

Цзи Чаоань на самом деле уже шесть раз проглотил Пиллюлю Питания Ци прямо на ходу, но его тело больше не могло выдерживать мощь лекарства и истощение духовных сил. Его духовный меч с грохотом рухнул на землю, а сам он бессильно повалился рядом, раскинув руки и ноги и не в силах даже пошевелить пальцем.

Среди кружащегося вихря, где то и дело сталкивались две борющиеся силы, копошился и менял форму похожий на комок грязи серый силуэт размером с ладонь.

Цзи Чаоань прищурился, решив, что ему просто померещилось.

Однако сквозь метель к нему действительно приближался человеческий силуэт.

Расплывчатая фигура, словно отделенная преградой между мирами живых и мертвых, проявилась сквозь хлопья снега, похожие на лепестки белой сливы, явив миру суровые и прекрасные черты лица.

Его длинные волосы были аккуратно собраны в высокий хвост, а у основания и на кончике перевязаны черными шелковыми лентами, чтобы не растрепались на ветру, и спускались прямо до самых лодыжек.

Этот мужчина обладал высоким и стройным телосложением, а его ослепительные золотисто-красные доспехи сияли ярче полуденного солнца. И всё же это великолепие не могло затмить его ослепительной и благородной красоты. На щеках еще не успела высохнуть кровь, что лишь добавляло его бесподобному лику некоего демонического, мрачного и завораживающего очарования.

Когда он шагал вперед, от него исходило странное, почти зловещее чувство страха — словно надвигалась неотвратимая катастрофа или навис страшный рок.

Это было врожденное и неотделимое зловещее предзнаменование, присущее взрослой особи хуо, и Цзи Чаоань, деливший с ним ложе долгие годы и ничем не отличавшийся от законного супруга, знал его лучше всех.

Это был Гао Хуай из прошлой жизни, повзрослевший, тот самый, что усеял Государство Четырех Духов миллионами трупов и залил землю кровью.

Зрачки Цзи Чаоаня резко сузились, и в нем откуда-то взялись силы — опершись на руки, он приподнялся и сел.

В этот самый момент их взгляды встретились. Гао Хуай, казалось, тоже заметил его, слегка изогнул губы, и вся его кровожадная аура мгновенно исчезла без следа, а в глазах затаилась беспредельная нежность.

Он будто бы расслышал доносившийся сквозь ветер низкий, бархатный и чарующий голос повзрослевшего Гао Хуая, способный затронуть самые сокровенные струны души: — Ещё...

Еще?

В следующий миг, стоило ему моргнуть, метель внезапно стихла, и силуэт растворился без следа.

Выбившись из сил, Цзи Чаоань потерял сознание.

Сколько прошло времени, он не знал — очнулся он от того, что в груди давило что-то тяжелое, вызывая удушье.

Тут же вздрогнув от внезапного озноба, он торопливо приподнялся, и тяжелый пушистый комок с глухим стуком скатился на пол.

В кладовой было не только промозгло, но и сыро из-за резьбы в виде волн на стенах. Цзи Чаоань даже не попытался проверить, не пострадали ли свитки, а вместо этого принялся шарить руками по полу в поисках укатившегося зверька.

Серый кролик стал крупнее прежнего, его шерстка была мокрой и ледяной, и он безвольно лежал в его ладони, не проявляя признаков жизни.

Сердце Цзи Чаоаня упало. Он бережно поднял кролика: его лапки, обычно такие резвые и прыгучие, сейчас безвольно и мягко свисали вниз в полной тишине.

Осторожно протянув руку, Цзи Чаоань дрожащими пальцами прижал Маленькое Деревце Хуай к груди и вдруг тихо рассмеялся: — Случайность помогла, ты действительно немного подрос. Выходит, Онда Увядающей Весны немного ослабла, и рост духовной энергии и вправду способен пошатнуть печать. Только вот затея эта слишком опасная, впредь не смей рисковать. Нужно двигаться шаг за шагом и культивировать Ци вместе со мной. Маленькое Деревце Хуай, куда ты спешишь? Впереди у нас еще много времени, будем заниматься потихоньку. Пообещай мне быть послушным, хорошо?

Говоря это, он нежно гладил ледяную шерстку кролика, потерянно сидя в луже холодной воды. Помолчав, он продолжил: — Мне... приснился сон, и я снова увидел тебя. Ты был всё таким же свирепым, способным напугать ребенка до слез. Но ветер шумел слишком сильно, и я не расслышал, что ты сказал — уловил лишь слово еще. Вернуть долг? Расплатиться? Муж не вернулся из дальнего похода? Или муж и жена вместе возвращаются домой?

Произнеси он это вслух, и сам невольно усмехнулся. Он засунул подростка кролика за пазуху, но та сильно надулась — места уже почти не оставалось.

Цзи Чаоань вздохнул: — Ты и не большой, и не маленький: оставлять тебя снаружи небезопасно, а с собой не спрячешь — так тебя еще быстрее схватят.

С трудом поднявшись на ноги, он одернул полувлажные одежды и отворил дверь книгохранилища.

В погребке была заготовлена свеча. Достав огниво, он чиркнул искрой, зажег фитиль и, усевшись на низенький табурет, осторожно распахнул воротник, чтобы взглянуть на кролика — тот по-прежнему лежал с закрытыми глазами, не издавая ни звука.

Цзи Чаоань сидел неподвижно, кончиком пальца то и дело трогая кончики кроличьих ушей, и шептал: — Маленькое Деревце Хуай, не умирай, не умирай.

Прошло еще неизвестно сколько времени, когда в полузабытьи Цзи Чаоань почувствовал, как его шею обвила пара ледяных рук.

Резко очнувшись от испуга, он понял, что ноша на груди стала еще тяжелее. На коленях у него сидел обнаженный ребенок лет пяти-шести, а на шее у него красовался изящный вышитый амулет цвета лаванды. Черные, словно шелк, волосы рассыпались по коленям Цзи Чаоаня.

Огарок свечи, от которого осталось меньше дюйма, мерцал, то затухая, то разгораясь, выхватывая из полумрака неясные очертания детского лица.

Сложив руки кольцом высоко над головой, малыш обвил шею Цзи Чаоаня, прижался головой к его груди и невнятно пробормотал: — Холодно.

Это был голос маленького Гао Хуая, которого Цзи Чаоань никогда прежде не слышал.

Двигая затекшими руками, Цзи Чаоань обнял спину ребенка и принялся легко похлопывать его, растирая плечи взад-вперед, чтобы согреть. На душе у него царили полная растерянность и смятение.

Побув так какое-то время, он был вынужден с трудом подняться на ноги вместе с Маленьким Деревцем Хуай на руках, задул свечу и зашагал вверх по ступенькам из погреба.

Стоило ему приподнять крышку погреба, как внутрь хлынул ослепительный солнечный свет, от которого заболели глаза.

Почему он провел в хранилище столько времени, а на улице всё еще день?

Цзи Чаоань протер глаза, привыкая к свету, и вдруг услышал доносящиеся снаружи исполненные гнева крики Сяо Мани: — Стоять! Что за дикий мальчишка, как ты смеешь

вламываться в чужой дом! Во внутренний двор нельзя... Стоять!

Раздался громкий треск — кто-то распахнул ударом дверь во внутренний двор, а сердитый окрик Сяо Мани сменился сдавленным стоном, судя по всему, ему крепко досталось.

Следом раздался юношеский голос: — Цзи Чаоань! Цзи Чаоань, выходи!

Цзи Чаоань тяжело вздохнул, чувствуя, как раздражение нарастает с новой силой.

Не обращая внимания на шум за дверью погребца, он сначала вернулся к ступенькам и усадил Маленькое Деревце Хуай на табурет.

Малыш крепче сжал руки, не выпуская его шею из объятий. Цзи Чаоань произнес: — Снаружи кто-то буйнит, посиди пока здесь и никуда не уходи, я мигом вернусь.

Ребенок поднял голову и уставился на него. В его глазах все еще угадывались тени серого кролика, а зрачки, подобные черному агату, были глубокими и яркими.

Руки по-прежнему не разжимались.

Цзи Чаоань нахмурился: — Отпусти.

Малыш моргнул, и теперь не только руки, но и ноги обхватили талию Цзи Чаоаня, обвившись вокруг него, подобно повиликке, и он наотрез отказывался отпускать его.

Цзи Чаоань вздохнул: — Маленькое Деревце Хуай, это наш дом, сколько сил я потратил, чтобы сберечь его. Неужели ты боишься, что я сбегу из дому? Ну же, отпусти, а если та ядовитая птица снаружи разобьет в доме что-нибудь ценное, я с тебя спрошу!

Маленькое Деревце Хуай опешил, выказав на личике обиду и недовольство, но все же, подчиняясь грозному тону, разжал руки.

Цзи Чаоань успокаивающе погладил его по голове, заново зажег свечу, взял в левую руку меч и вышел из погребца.

Юноша, кричавший во дворе, заведя появившегося Цзи Чаоаня, тут же умолк и резко бросил: — Цзи Чаоань! Верни вещь, оставшуюся от моего учителя!

Цзи Чаоань неторопливо поправил еще не высохшую одежду и произнес: — Этот братец пожаловал так спешно, что я не успел привести себя в порядок — прошу прощения. Голос у тебя звонкий и крепкий, значит, раны уже зажили, но я всё еще не имею чести знать имя этого

братца?

Юноша был одет в черное, торчащие вокруг пучка пряди волос были растрепаны, а рукава и подол — в складках и заломах. Увидев, как Цзи Чаоань с серьезным видом поправляет одежду, он невольно последовал его примеру и яростно разгладил складки на собственном костюме.

После чего выпалил: — У, у меня нет имени.

Цзи Чаоань направился к лежавшему у ворот двора Сяо Мане, заметил, что его глаза закрыты, и нащупал пульс.

Юноша пробормотал сбивчиво: — Я, я не убивал его... всего лишь ударил ладонью, кто же знал, что он такой хилый.

Цзи Чаоань вздохнул: — Братец Сяо Мань хоть и не практикует боевые искусства, тело у него крепкое, он может с одного замаха нарубить тридцать вязанок дров, а ты вырубил его всего одним ударом.

Юноша сжал кулаки и сквозь зубы процедил: — Он твой поделщик, даже если бы я убил его, он получил бы по заслугам, извиняться я не стану! Цзи Чаоань, немедленно отдай вещи моего учителя!

Цзи Чаоань ответил: — У этого бедняги Сюань Людао отродясь не было никаких хороших вещдоков, отдать их тебе не жалко, но у меня есть условие.

Юноша рассвирепел: — Ты довел моего учителя до смерти, а я тебе слова не сказал — это уже величайшая уступка, так у тебя еще хватает наглости выдвигать условия?

Цзи Чаоань покачал головой: — Месть за отца — кровная вражда, с учителем то же самое. Раз ты не винишь меня в этом, в глубине души этот братец всё прекрасно понимает.

Юноша нахмурился, его грудь тяжело вздымалась, но он крепко сжал зубы и молчал.

Цзи Чаоань продолжил: — Этот братец... верно, нельзя же мне вечно пользоваться твоим гостеприимством и просить тебя звать меня братцем. Когда выйдешь в мир вольных людей, у тебя должно быть имя. Раз уж ты — редчайшая в мире птица цинъюань, бери фамилию Юань. А раз ты помнишь ту крупицу доброты, с которой Сюань Людао вырастил тебя, то... пусть будет Юань Ци.

Юноша возразил: — Не твое дело!

Цзи Чаоань быстро воспользовался моментом и тут же переменил обращение: — Юань Ци, я

спрошу тебя лишь о малом: ответишь так, как мне по душе, и я верну тебе вещь.

Юань Ци потребовал: — О чем же?

Цзи Чаоань задал вопрос: — Кто надоумил вас промышленять в столице обманом молодых девушек?

Юноша пришел в ярость, с кулаками бросился на Цзи Чаоаня, но тот легко уклонился в сторону. Юноша тут же кинулся вдогонку, яростно рассекая кулаками воздух, и завопил: — Ты возводишь наговор! Издеваешься над людьми! Мой, мой учитель и старик Хуан просто проворачивали мелкие махинации да выманивали немного денег — пусть это и не благородно, но таких ужасных злодеяний они срочно не творили.

Цзи Чаоань легко увернулся и спокойно произнес: — Выходит, Сюань Людао скрыл это от тебя, вероятно, боясь, что, узнав правду, ты отказался бы сотрудничать. Ладно, пускай я возвожу наговор, тогда... доводилось ли тебе видеть, с кем Сюань Людао встречался чаще всего? С кем-то, с кем он держался подобоострастно и кому отчаянно угождал?

Юноша внезапно замер с занесенным кулаком, уставившись на Цзи Чаоаня, и его лицо застыло в неопределенном выражении.

— Учитель... — с трудом выдавил из себя Юань Ци. — После приезда в столицу он женился на матушке и почему-то стал охотно травить ядами молодых девиц из разных семей... На все изгнания злых духов он всегда брал ее с собой, они то и дело хаживали в задние покои чужих домов, а я думал, что это просто совпадение...

— Несколько дней назад одна семья, которая раньше звала учителя изгнать духов, обнаружила, что их младшая дочь пропала. Они всюду искали ее и даже обратились за помощью к учителю.

Он сглотнул, его кадык судорожно дернулся, губы задрожали, а взгляд, устремленный на Цзи Чаоаня, выражал смесь ненависти и горя: — Я думал, что это... просто совпадение... просто... совпадение...

Цзи Чаоань тоже остановился и холодно спросил: — Юань Ци, неужели Сюань Людао ни с кем не виделся?

Юноша, до этого казавшийся потерянным, при этих словах вдруг о чем-то вспомнил и тихонько рассмеялся.

Его лицо, в общем-то вполне симпатичное, внезапно исказилось и стало зловещим: — Верно, вчера, когда я приходил сюда, я видел его.

Цзи Чаоань насторожился.

Юань Ци продолжил: — Вчера я собирался потребовать у тебя вещи учителя, как вдруг какой-то чванливый щенок появился в книжную лавку раньше меня, а снаружи дежурили добрых несколько десятков людей. Я затаил обиду и поклонился неподалеку. Когда тот парень вышел из лавки, его люди стали постепенно расходиться, и среди них был один знакомый мне амбал. Учитель пару раз встречался с ним, и, как ты и сказал... он держался с этим амбалом крайне почтительно и всякий раз отсылал меня прочь перед началом разговора.

Он пристально посмотрел на Цзи Чаоаня с улыбкой на лице: — Из любопытства я увязался за ними. Тот амбал уселся в карету вместе с тем чванливым молодым господином, и в конце концов вся эта процессия направилась прямо во дворец.

Цзи Чаоань на мгновение задумался, вернулся в комнату, достал кошелек Сюань Людао, бросил его Юань Ци и сказал: — Оставаться в Луоцзине тебе небезопасно, убирайся отсюда поскорее.

Юань Ци поймал кошелек и, помедлив, произнес: — Ты ведь тоже знаешь обо всем этом, тебе здесь тоже небезопасно...

Цзи Чаоань покачал головой: — Пока ты не выдашь меня, всё будет в порядке.

Юноша попятился на два шага, его губы дрожали, но в конце концов он, не сказав больше ни слова, развернулся и выбежал со двора.

Цзи Чаоань прищурился, глядя на солнце, которое медленно клонилось к зениту, и пробормотал: — Выходит... пролетела целая ночь.

Как нарочно всё сошлось.

Очнувшись, Сяо Мань не чувствовал никакой боли — лишь на затылке расплывался огромный синяк. Сун Линь принес целебное масло и принялся растирать ушиб, отчего Сяо Мань кривился и со свистом втягивал воздух, жалуясь: — А с виду этот паренек такой тихоня и пай-мальчик, а взял да исподтишка ударил! До чего же досадно! Ой-ой — полегче!

Лицо Сун Линя оставалось бесстрастным, он продолжал растирать ушиб без малейшего сочувствия и сказал: — Лицо у этого паренька незнакомое, и что ему понадобилось от хозяина?

Сяо Мань сидел на скамеечке в дальней комнате, поджав одну ногу, и вздыхал: — А что ему еще могло понадобиться? Старый хозяин погиб, и бог весть сколько людей затаило злобу. Если бы не стражники из Улюя, разве нашелся бы всего один мститель... То ли еще будет, скучать не придется. А Линь, ты смотри мне, не вздумай злорадствовать и бросать работу...

Сун Линь на миг замер, опустил веки и с улыбкой произнес: — Работу найти нелегко, а такую, где можно и грамоте учиться, и деньги зарабатывать — и подавно. Я никак не соглашусь уволиться. На худой конец, если что случится, я снова спрячусь, надеюсь, хозяин не станет меня винить.

Сяо Мань уже повернулся, чтобы прикрикнуть на него, как тот силой развернул его голову обратно и продолжил массировать синяк на шее. Сун Линь вздохнул: — Я ведь и сам побежал звать стражников, да на полпути испугался и спрятался за углом. А как увидел, что парень ушел, сразу вернулся... Много ли на свете людей вроде тебя, что идут напролом, храбрее всех на свете?

Сяо Мань хмыкнул, вспомнив, как его вырубили с одного удара, и счел это постыдным. Покашляв для вида, он произнес: — Ну, тебя тоже не в чем винить, ты человек новый, еще ничего не знаешь. Я давным-давно служу у старого хозяина и вырос на глазах у молодого. И старый хозяин, и его жена были добрейшими людьми, относились к простому слуге всей душой и всему учили. Теперь их нет в живых, остался лишь этот сирота. Пусть у меня и нет особых талантов, но я намерен защищать его ценой собственной жизни, и никому не позволю причинить ему вред!

Он говорил так пламенно и непреклонно, что Сун Линь лишь равнодушно отмахивался, но лицо его тем временем всё сильнее мрачнело.

Стоило закончить с мазями, как занавеска качнулась, и в комнату вошел прелестный малыш. Он участливо поинтересовался самочувствием Сяо Маня, на что тот, разумеется, принялся бить себя в грудь и хвастаться, что с ним всё в полном порядке.

Цзи Чаоань немного расслабился, нахмурился и произнес: — Братец Сяо Мань, отдохни пока, а за лавкой приглядит братец Линь. По поводу сегодняшнего инцидента я все-таки должен сходить к господину Куну и заявить обо всем.

Сун Линь озабоченно спросил: — Что это за человек? Уж не замышляет ли он чего недоброго?

Брови Цзи Чаоаня сошлись еще круче, и он с несчастным видом ответил: — Я и сам его не знаю. Он лишь заявил, что его старшие родственники пострадали из-за нашей семьи, и потребовал компенсации. Я отсыпал ему немного серебра, после чего он удалился. А вот вернется ли, когда серебро закончится, неизвестно.

Сяо Мань взбеленился: — Ишь ты, просто шантажист с большака! Осмелится явиться снова — ноги ему переломать!

Цзи Чаоань предостерег: — Братец Сяо Мань, не горячись, тебе с ним не справиться. Лучше я схожу к властям и попрошу господина Куна выделить побольше людей для патрулирования окрестностей, чтобы в следующий раз братец Линь не остался в одиночестве.

Сун Линь молча опустил глаза, а Сяо Мань поднялся на ноги: — Ну что ж, иди, хозяин, раз А Линь еще не во всем освоился, я побуду с ним в лавке.

И Цзи Чаоань направился в уездную управу.

Стоило Цзи Чаоаню пересказать всё случившееся Кун Сую, как взгляд того на ребенка стал еще более мягким. Чиновник вздохнул: — Дитя невинно, а пострадало из-за чужих грехов — это упущение в моем управлении. Не переживай, Чаоань, я сию же минуту отдам приказ усилить патрули, чтобы пресечь подобные выходки, докучающие простым людям.

Цзи Чаоань расплылся в улыбке, поспешно выразил благодарность и уже собирался откланяться, как вдруг, словно что-то вспомнив, поинтересовался: — Господин Кун, простите за дерзость, скажите, не свободен ли сейчас господин Гун? Я на днях читал книги и наткнулся на странные обычаи людей, а раз уж я выдался сюда, то решил заглянуть и расспросить господина Гуна.

Кун Суй рассмеялся: — Он свободен целыми днями, ступай разыщи его.

И он велел слуге проводить Цзи Чаоаня в жилые покои управы.

Кун Суй не был женат, и в задних покоях жил лишь один господин Гун, так что церемониться не приходилось.

Господин Гун облачился в просторные одежды из белоснежного нефритового шелка, даже не связав волосы — его седые пряди свободно рассыпались по плечам. Он восседал на каменном стуле у пруда, держа в руке черную фарфоровую чашу и бросая рыбам корм. Его непринужденная поза и ленивый вид выдавали в нем истинного ученого мужа.

Цзи Чаоань отдал поклон, для начала задав несколько ни к чему не обязывающих вопросов, на которые господин Гун ответил с ленцой. Затем он спросил прямо: — Господин Гун, я слышал... будто вражда между Духами и Людьми началась из-за некоего жетона?

Выражение лица господина Гуна наконец переменялось. Он повернулся, взмахом руки велел всем слугам удалиться, и лишь после этого нахмурился: — Ты простой смертный, с какой стати интересуешься подобным? Никакой пользы от этого нет.

Цзи Чаоань принял серьезный вид: — Мне всего десять лет, и не факт, что я всю жизнь буду простым смертным. К тому же, будучи подданным этого государства, не знать собственной истории и прожить так несколько сотен лет в невежестве — какой в этом толк?

Господин Гун зачерпнул щепотку рыбьего корма и швырнул в пруд. Изумрудно-зеленая, подобно нефриту, гладь воды тут же покрылась рябью, и к месту кормления устремилась стайка рыб, чья серебристая чешуя вспыхивала под водой крошечными искрами.

Он хмыкнул с усмешкой: — А у малыша амбиции! Ну хорошо, в общем-то, это и не великий секрет. Если вдаваться в подробности, вражда между Духами и Людьми началась отнюдь не из-за одного лишь жетона, но сам жетон носит название Приказ Спросить Себя.

Цзи Чаоань, проживший целую жизнь, разумеется, прекрасно всё помнил, однако сейчас он по-прежнему изображал крайнюю степень любопытства.

Господин Гун пояснил кратко: — Если вспоминать истоки, то когда Союз Ясного Меча создал Приказ Спросить Себя, задумывалось это лишь для того, чтобы упорядочить поведение мечников. Кто бы мог подумать, что незаметно для всех этот жетон превратится в общепринятый стандарт для Семи Путей Мерети.

Он слегка очертил в воздухе размер: — Вот такой, примерно в пол-ладони, в форме обычного заостренного жетона из голубого нефрита, дешевый в изготовлении. Когда им пользовались, посланники наград и наказаний приказывали испытуемому зажать жетон в руке и вопрошали: есть ли у тебя в сердце грех или нет? Если этот человек творил добро и накапливал заслуги, Приказ Спросить Себя светился синим светом; если не имел ни заслуг, ни прегрешений — белым; если в его моральном облике были изъяны — желтым; если он совершил чудовищные преступления и безвинно проливал кровь — красным; а если совершал иные злодеяния — черным. С появлением этого жетона порядок среди Людей укрепился, и праведники с негодьями стали видны как на ладони. Вот Духи и захотели перенять этот опыт.

Цзи Чаоань озадаченно спросил: — Раз был столь удобный способ различения, почему в итоге не переняли?

Господин Гун рассмеялся: — Разве это так просто? Приказ Спросить Себя выкован на основе рунных начертаний, оставленных людьми-магами, одними из двенадцати великих древних магов Куньлуня, а потому он изначально настроен на Людей. Стоит взять его нам, Духам, и даже если в руку его возьмет признанный всей страной великий мудрец, жетон всё равно загорится черным светом.

Цзи Чаоань изобразил крайнее изумление: — Неужто такое бывает!

Господин Гун покачал головой: — Кто же знал, что Люди решат, будто каждый Дух от рождения — порождение зла, с которым следует обращаться точно так же, как с демонами и призраками? Разве могли Духи стерпеть такое оскорбление? С тех пор вражда стала только сильнее.

Цзи Чаоань нахмурился: — Как Люди могли быть столь глупы? Судить обо всем с первого взгляда лишь по цвету жетона, даже не пытаясь разобраться, сотворили мы добро или зло?

Господин Гун усмехнулся: — Тут уж нечего винить других, поменяйся мы местами — результат был бы тем же... В конечном счете, это противостояние двора Государства Четырех Духов и владык Семи Путей, а что на этот счет думают простые люди втайне, никому не уследить. Впрочем, Чаоань, подобные вещи не стоит обсуждать открыто. У Людей есть посланники

наград и наказаний, что выслеживают злодеев, а у нас повсюду шныряют обладающие куда более тонким нюхом, чем у собак, Посланники Дунмин. Выйдя за эту дверь, помни правило: будь осторожен в словах и поступках.

<http://bllate.org/book/21199/2145920>